Нравы соціалистической партіи

Намъ пишутъ изъ Праги:

Любопытнѣйшая исторія о томъ, какъ соціалистическая газета поучала буржуазную печать мѣщанской морали, и что изъ этого вышло...

Исторія, представляющая далеко не только мѣстный интересъ.

Но разскажемъ все по порядку.

Въ Прагѣ на-дняхъ полиціи удалось раскрыть сенсаціонное преступленіе.

Годъ тому назадъ въ Чехословакію вернулась изъ Америки одна чешка, успѣвшая нажить за океаномъ нѣкоторый капиталъ.

Черезъ свою сестру, бывшую замужемъ за мелкимъ служащимъ Сикорскимъ она познакомилась съ журналистомъ Михалькомъ и его пріятелемъ, докторомъ медицины Клепетаржемъ, который, впрочемъ, врачебной практикой не занимался, а пробавлялся литературной работой.

Михалекъ, молодой человѣкъ, плѣнилъ сердце «американки», женщины не первой молодости и не первой красоты.

Она приняла его предложеніе выйти за него замужъ. Свадьба была рѣшена, и Михалекъ сталъ подъ разными предлогами выманивать у своей невѣсты денежныя суммы.

Американка была не изъ щедрыхъ, но все же нѣсколько десятковъ тысячъ кронъ Михалекъ у нея перебралъ. Потомъ свадьба почему то разстроилась, и американка исчезла съ горизонта.

Знакомые рѣшили, что она вернулась въ Америку, и объ этой исторіи скоро всѣ забыли.

Но, спустя годъ, полиціи удалось напасть на слѣдъ гнуснаго и отвратительнаго преступленія.

Оказалось, что Михалекъ и Клепетаржъ, основательно обобравъ американку, покончили съ ней, заманивъ ее при помощи Сикорскаго въ лѣсъ, на берегъ рѣки, гдѣ они ее задушили, а трупъ спрятали въ прибрежномъ илѣ.

Совершенно естественно, что когда это преступленіе раскрылось, оно вызвало общее возмущеніе.

Главными виновниками его оказались интеллигенты, или по чешскому выраженію «интелектуалы», и общественное мнѣніе было потрясено. Этимъ и рѣшила воспользоваться соціалистическая пресса.

Органы чешскихъ соціалистовъ «Чешское Слово» и чешскихъ соціалъ-демократовъ «Право Лиду» («Право Народа») поспѣшили на самомъ видномъ мѣстѣ объявить публикѣ, что одинъ изъ убійцъ Михалекъ, состоялъ сотрудникомъ нѣкоторыхъ соціалистамъ «Народныхъ Листовъ» (газета національ - демократовъ). «Народные Листы», первые помѣстившіе извѣстіе о раскрытіи убійства, объяснили, что Михалекъ, дѣйствительно, нѣкоторое время сотрудничалъ въ газетѣ, но потомъ, когда о его семейной жизни стали поступать дурныя свѣдѣнія, ему «указали на дверь».

Не удовлетворившись этимъ объясненіемъ, «Чешское Слово» выступило съ цѣлой статьей на тему:

— Преступность послѣ-военной буржуазіи.

Въ этой статьѣ ростъ преступности, отмѣченной послѣ войны, всецѣло относился на счетъ «буржуазіи», которая, молъ, съ неслыханнымъ цинизмомъ «проповѣдуетъ ненависть къ экономически слабѣйшимъ классамъ».

По этой соціалистической логикѣ такимъ образомъ, выходило, что нищій Михалекъ придушилъ богатую американку подъ вліяніемъ проповѣди ненависти къ «экономически слабѣйшимъ».

А, въ частности, по адресу «Народныхъ Листовъ» соціалистическая газета позволила себѣ такой выпадъ: «здѣсь создалась нездоровая атмосфера моральнаго разложенія, гдѣ нашли себѣ прекрасную почву Михалеки и имъ подобные».

Этотъ выпадъ вызвалъ возмущеніе органа чешскихъ клерикаловъ («Лидовыхъ Листовъ»), который, не беря на себя роль защитника народно-демократической газеты, счелъ необходимымъ принципіально отмѣтить лицемѣріе и лживость соціалистической газеты. И такъ какъ эта отповѣдь, данная соціалистической газетѣ, выходитъ изъ рамокъ мѣстныхъ интересовъ, то стоитъ привести изъ нея нѣсколько строкъ.

«Съ нравоученіями въ данномъ случаѣ выступили тѣ, кто меньше всего имѣютъ право читать кому-либо проповѣдь. Какимъ языкомъ они всегда говорили о томъ, что есть святого и прекраснаго. Какъ они обычно расписываютъ преступленія. Словно предназначаютъ свои писанія спеціально для людей, стоявшихъ на самой низкой моральной ступени. Грубый матеріализмъ, который является основой всякаго соціалистическаго кредо, сквозитъ изъ каждой страницы ихъ писаній. Въ ту пору, когда особенно были нужны твердые моральные основы и идеализмъ былъ необходимъ какъ соль въ пищѣ, именно соціалистическія газеты сѣяли ядъ, отравляющій соціальный организмъ. Напрасный трудъ — требовать отъ соціалистической печати, чтобы она глубже смотрѣла на вещи и сознавала свою отвѣтственность, но соціалисты все же сами могли понять, что имъ не къ лицу роль чистыхъ голубицъ, и что тѣ люди, которые вчера убивали, были развращены той прессой, которая все возвышенное и святое бросаетъ какъ старый хламъ... Слова о цинизмѣ и разложеніи обращаются противъ авторовъ этихъ словъ, и позу проповѣдника морали надо оставить».

Отповѣдь, какъ мы видимъ, достаточно энергичная, но врядъ ли она произвела бы на соціалистическую газету надлежащее впечатлѣніе, если бы не открытіе, сдѣланное самими «Народными Листами».

По наведеннымъ справкамъ оказалось, что Михалекъ, изгнаный изъ «Народныхъ Листовъ», долгое время состоялъ сотрудникомъ «Чешскаго Слова».

И даже передовыя статьи писалъ. Это пикантнѣйшее открытіе усугубляется заявленіемъ «Народа» (вечернее изданіе національ-демократовъ), что будутъ опубликованы свѣдѣнія, свидѣтельствующія объ очень близкихъ отношеніяхъ Михалека съ редакціей соціалистической газеты, не ограничивавшихся писаніемъ статей и замѣтокъ.

Такъ буржуазная газета однимъ ударомъ покончила съ однимъ изъ своихъ соціалистическихъ противниковъ.

Но оставался еще органъ соціалъ-демократовъ, также, крупными буквами объявившій, что одинъ изъ убійцъ, Михалекъ, сотрудничалъ въ этой буржуазной газетѣ.

Однако, этотъ органъ ограничился приведеннымъ оповѣщеніемъ и не сталъ проповѣдовать морали. Эта сдержанность показалась подозрительной.

Навели соотвѣтствующія справки, и тутъ то обнаружилось еще болѣе пикантное обстоятельство. Вслѣдъ за арестомъ Михалека выяснилась руководящая роль въ гнустномъ убійствѣ его пріятеля, доктора Клепетаржа.

А сей господинъ оказался.. ярымъ соціалистомъ и сотрудникомъ центральнаго органа соціалъ-демократовъ, въ которомъ пописывалъ статейки на соціалистическія темы.

При такихъ обстоятельстахъ, поневолѣ языкъ прикусишь! — иронизируетъ буржуазная газета по адресу соціалъ-демократовъ.

Такъ вотъ какая поучительная исторія получилась, когда соціалисты стали проповѣдывать «мѣщанскую» мораль.

С. Варшавскій.

Въ Совѣтской Россіи

«НЕДОЧЕТЫ НОВЫХЪ ХЛѢБОЗАГОТОВОКЪ»

«Правда» и «Извѣстія» другъ передъ другомъ щеголяютъ телеграммами о необыкновенномъ успѣхѣ начала хлѣбозаготовительной кампаніи. Тѣмъ неожиданнѣй передовая «Сов. Юга» (Ростовъ на Д.), отъ 2 августа. Приводимъ наиболѣе характерныя выдержки: «начало кампаніи характеризовалось нѣсколько болѣе слабымъ, чѣмъ въ прошломъ году, поступленіемъ зерна». «Финансированіе хлѣбозаготовокъ, по даннымъ Краевой Комиссіи, недостаточно еще налажено, часты случаи несвоевременыхъ отгрузокъ зерна, низовая сѣть коопераціи не полно охвачена договорами, не налажено дѣло съ полученіемъ излишковъ у колхозовъ и совхозовъ. т. д.».

Срочно предложено «принять всѣ мѣры къ устраненію дефектовъ», «добиться безперебойнаго проведенія», «обезпечить» и т. д. и т. д.

«Заставить общіе интересы государства цѣнить выше интересовъ отдѣльныхъ организацій».

ШКОЛЬНАЯ СѢТЬ С. С. С. Р.

«Въ 1926-7 г. 106.729 низшихъ чиновъ съ 9,8 мил. учащихся (Школъ больше 1914-15 г. на 2 проц.) и 1706 среднихъ школъ съ 564.5 тыс. уч. на 4,7 пр. меньше, чѣмъ въ 1914-15 г.» («Правда» 178).

Только что закончившіеся пріемные экзамены дали яркую и исчерпывающую картину общей постановки народнаго образованія въ совѣтской Россіи, что приведенныя цифры могутъ только помочь представить себѣ всю грандіозность очереднаго провала коммунистической власти.

ХУЛИГАНСТВО РАСТЕТЪ

Совѣтскія газеты благополучно «лик видировали» хулиганство, тѣмъ неожиданнѣе такое заявленіе «Извѣстій» отъ 7 августа: «имѣющіяся данныя съ мѣстъ говорятъ о томъ, что во многихъ губерніяхъ (по крайней мѣрѣ до конца 1926 г.) наблюдается ростъ хулиганства въ деревнѣ». Въ общемъ несомнѣннымъ остается фактъ довольно широкимъ размѣровъ хулиганства, почему газета вновь предлагаетъ поставить вопросъ о борьбѣ съ нимъ «во всю ширь».

КЪ ПРИЗЫВУ ВЪ КРАСНУЮ АРМІЮ

«Бѣднота» (отъ 7 августа) совѣтуетъ не повторять ошибокъ прошлаго при выполненіи приказа объ очередномъ призывѣ въ Красную армію. Среди примитивныхъ совѣтовъ знать законы, не принимать больныхъ, не отпускать здоровыхъ, находимъ такія строки:

«При учетѣ военнообязанныхъ огромную роль играетъ классовый отборъ. **Только трудящемуся можетъ быть дано оружіе.** Законъ не допускаетъ въ ряды Красной арміи нетрудовые элементы. Между тѣмъ нерѣдко кулаки пытаются протолкнуть своихъ сыновей на военную службу. Было и такъ, что бѣднота жаловалась на то, что ея дѣтей берутъ, а кулаковъ не берутъ».

Повидимому газета такъ напугана, что окончательно запуталась. Что же происходитъ въ самомъ дѣлѣ съ сыновьями этихъ пресловутыхъ «кулаковъ»?

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОГРАММА ОППОЗИЦІИ

«Правда» (177) печатаетъ 4 пункта программы деревенской политики оппозиціи («четыре перла досужей бюрократической фантазіи»). Приводимъ ихъ съ необходимыми сокращеніями:

1. Необходимо реально приступить къ организаціи крупныхъ государственныхъ хозяйствъ, съ усовершенствованной техникой, съ заводами по переработкѣ сельско - хоз. продукціи и сырья.

Такія хозяйства должны быть тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ бѣдняцкой частью деревни и подорвать экономическое значеніе кулака.

2. Усилить организацію коллективныхъ хозяйствъ.

3. На тѣхъ же государ.-кооперативныхъ началахъ построить с.-х. кредитъ.

4. Провести соотвѣтственную организацію (также съ участіемъ бѣдняковъ и середняковъ) сельско-хоз. кооператировъ.

Эта программа, по словамъ газеты, напечатана въ «Заявленіи 15 оппозиціонеровъ».

ДЕНЕЖНЫЯ ЗАТРУДНЕНІЯ БОЛЬШЕВИКОВЪ

«Авансъ Экономикъ э Финансьеръ» вчера сообщило, что, по его свѣдѣніямъ, финансовое и экономическое положеніе Совѣтской Россіи, становится все болѣе и болѣе острымъ.

Число безработныхъ съ 1 апрѣля возросло на 31 проц., изъ за недостатка сырья, такъ какъ закрылось большое число фабрикъ. Совѣтскія торговыя и промышленныя предпріятія показали большой дефицитъ: напримѣръ, убытокъ желѣзныхъ дорогъ, несмотря на увеличеніе тарифовъ до 30 проц., почти достигаетъ 130 милл. рублей. Продолжающійся выпускъ денежныхъ знаковъ достигаетъ ежедневно 2 милл. руб. За май и іюнь мѣсяцъ было выпущено изъ экспедиціи новыхъ знаковъ на 121 милл. и въ настоящее время обращеніе превышаетъ 1.475.000.000 руб. и можно опасаться, что инфляція увеличится послѣ реализаціи урожая, который, кстати, сулитъ быть далеко не блестящимъ.

«ЗА БОДРОСТЬ И ОРГАНИЗОВАННОСТЬ!»

Только совѣтская газета, конечно, можетъ напечатать подъ такимъ заголовкомъ жуткія письма своихъ деревенскихъ корреспондентовъ. Эти наивные люди не научились еще нагло лгать и пишутъ искренне.

Вотъ нѣсколько выдержекъ:

«Я видѣлъ угнетенное крестьянство, говорилъ на собраніи ячейки тридцатилѣтній крестьянинъ-коммунистъ. Я носилъ камень, который давилъ меня всю жизнь. Когда прогремѣла революція, я понялъ, что надо дѣлать, и вступилъ въ партію. Проработавъ въ ячейкѣ три года, я понялъ, что она, а, можетъ, и партія, работаютъ не такъ, какъ обѣщали; въ груди образовалась пустота, хуже того камня, она отняла у меня желаніе жить».

Въ ту же ночь онъ застрѣлился.

«Надо искать причины самоубійствъ и выяснить, почему многіе и изъ молодежи теряютъ вѣру въ лучшее будуще и интересъ къ жизни», — совѣтуетъ авторъ корреспонденціи.

Другой еще рѣшительнѣй:

«Нужно, чтобы комсомольцы не питались сплетнями и слухами, а были правильно освѣдомлены о внутрипартійныхъ разногласіяхъ».

«У насъ все еще принято пичкать агитаціонной трескотней, заполнять весь досугъ докладами» и т. д. Конецъ его статьи, конечно, сочиненъ редакціей: «Въ бодромъ и организованномъ походѣ противъ упадочничества, мы сумѣемъ» и т. д.

— Англійскій консулъ въ Шанхаѣ сообщаетъ, что въ порту Чантеу вспыхнула эпидемія холеры.

— Президентъ Гинденбургъ причялъ адм. Берреджа, командующаго, находящейся сейчасъ въ Европѣ, американской эскадрой.

— Египетскій король выѣхалъ изъ Рима въ Кортина Ампаццо.

Де-Монзи и франко-совѣтскіе переговоры

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ «Возрожденіе» указывало, что, съ переходомъ франко-совѣтской конференціи въ вѣдѣніе министерства финансовъ, т. е., Пуанкарэ, всякая независимость предсѣдателя этой конференціи, г. де-Монзи, — утрачивается. Время подтвердило это указаніе, и тогда же было ясно, что, сколько бы ни повторялъ ея предсѣдатель, что онъ доведетъ дѣло конференціи до конца, — это будетъ лишь выкриками человѣка, утопающаго въ непримиримой совѣтской атмосферѣ, съ одной стороны, и атмосферѣ французскаго національнаго единенія — съ другой.

Когда Ратенау и Ллойдъ Джорджъ — авторы первыхъ соглашеній съ совѣтами: германскаго и англійскаго — защищали передъ общественными кругами свои позиціи, то они говорили: «Мы хотимъ прекратить ростъ безработицы у себя и хотимъ путемъ вовлеченія совѣтовъ въ міровой политическій концертъ, заставить ихъ эволюціонировать...»

Ни передъ Ратенау, ни передъ Ллойдъ Джорджемъ не было того опыта, который былъ передъ де-Монзи и французами вообще.

Тѣмъ не менѣе, г. де-Монзи рѣшилъ поѣхать въ Москву (въ 1923 г.). Передъ отъѣздомъ онъ заявилъ, что ѣдетъ туда не какъ сенаторъ или вообще, какъ политикъ, а какъ частное лицо. Изъ Москвы стали поступать за подписью де-Монзи въ газетѣ «Журналъ» статьи по разнымъ вопросамъ русской жизни, которую, въ цѣляхъ безпристрастія, онъ то высмѣивалъ, то снисходительно осуждалъ, восхищаясь, однако, умомъ своихъ друзей, народныхъ комиссаровъ. Закончилъ онъ свои статьи кличемъ итти въ Москву, какъ пошли въ Ватиканъ!!

По возвращеніи изъ Москвы, де-Монзи на трехъ, устроенныхъ имъ, собраніяхъ отравлялъ нелѣжественныхъ въ русскомъ вопросѣ слушателей доводами въ пользу идеи о сближеніи съ совѣтами.

Прошли годы. Ничто въ поведеніи совѣтской власти не измѣнилось: тотъ же терроръ, тотъ же гнетъ, тотъ же атеизмъ. И то, что не пугало г. де-Монзи раньше, то стало его пугать теперь; и онъ оправдывается, какъ только можетъ, выкладывая всѣ доводы, которые ему четыре года назадъ, когда онъ тоже уже не былъ юношей, доказывали всѣ, кто имѣлъ, хоть малѣйшее понятіе о коммунистической власти.

Франсуа Коти, неутомимый борецъ съ коммунистической опасностью, давая характеристику г. де-Монзи, какъ адвоката, сказалъ:

— C'est un avocat pour les causes indéfendables — адвокатъ для незащитимыхъ дѣлъ.

Какова оцѣнка де-Монзи, какъ адвоката насъ мало интересуетъ, но характеристика Коти въ данномъ случаѣ, весьма мѣткая. Какъ же теперь предсѣдатель франко-совѣтской конференціи, оправдывается?

Вотъ, что онъ говоритъ:

«Съ каждымъ днемъ я ощущаю все больше и больше невозможность притти съ совѣтами къ какому либо соглашенію, пока московское правительство имѣетъ возможность играть своей близостью съ Германіей противъ Франціи.

«Двусмысленная близость Германіи къ СССР затрудняетъ мою задачу».

И де-Монзи продолжаетъ:

«Просьбы о кредитахъ безсмысленны, пока политическая пропаганда на каждомъ шагу срываетъ экономическое сотрудничество. Нѣтъ примѣра, чтобы заимодавецъ терпѣлъ безпокойство и угрозы отъ должника, и продолжалъ любезно давать ему деньги. Пока нѣтъ мира, нѣтъ кредитовъ. Мы снимемъ свое вето съ капитала лишь тогда, когда вы прекратите пропаганду!!»

Неужели г. де-Монзи въ первый разъ слышитъ, что главная задача большевиковъ, это именно — пропаганда? Что же случилось?

Г. де-Монзи знаетъ теперь хорошо взгляды главнаго руководителя французской политики, и по нимъ то онъ заспѣшилъ построиться. Теперешнее мнѣніе этого бывшаго министра насъ мало можетъ интересовать по существу, ибо, приводимые имъ теперь доводы только подтверждаютъ всю несолидность того, что онъ говорилъ раньше при такихъ же точно обстоятельствахъ. И сколько бы де-Монзи ни утверждалъ теперь, что «Франція, призванная быть плотиной противъ большевизма, ни въ коемъ случаѣ, не можетъ поощрять его попустительствомъ и легкомысліемъ»; и сколько бы онъ ни возглашалъ «что мы ни разу не измѣнили нашему чувству патріотизма, законности и благоразумія», — ему никогда не скрыть той роли, которую онъ самъ сыгралъ въ водвореніи большевиковъ на улицѣ Гренелль. Но мнѣніе г. де-Монзи очень показательно, такъ какъ чувствуется въ немъ дѣйствіе той руки, къ которой теперь перешла постановка и дальнѣйшій ходъ франко-совѣтскихъ переговоровъ.

—ъ.

СОВѢТСКАЯ ХРОНИКА

— Наркомпросъ организуетъ большую общественную кампанію въ защиту правъ учительства. Центральной и мѣстной печати предложено широко освѣщать факты нарушенія правительственныхъ директивъ.

— Въ виду наплыва безпризорныхъ, «Кр. Газ.» придумала новую мѣру: «единственной радикальной мѣрой для того, чтобы покончить съ безпризорностью, мы считаемъ установленіе на желѣзныхъ дорогахъ, ведущихъ въ Москву, спеціальныхъ кордоновъ и заградительныхъ пунктовъ изъ работниковъ соціальной охраны.

— При Пушкинскомъ домѣ (!!) учреждается спеціальный отдѣлъ... посвященный Горькому (?)

— Учреждена инструкція о выдачѣ учителямъ «пятилѣтнихъ» прибавокъ. Въ 1927-8 г., прибавку получатъ только имѣющіе 20 лѣтній стажъ. Имѣющіе 10 лѣтъ службы (сейчасъ) получатъ первую пятилѣтнюю прибавку только въ 1930-31 г., т. е., на 14 году службы. «Затѣмъ, послѣдуетъ вторая прибавка».

Когда?

— «За первые три дня въ Петроградѣ продажа облигацій новаго 12 процентнаго займа 1927 года, дала.. 5500 рублей». Рѣшено «привлечь» частный капиталъ, созвано совѣщаніе представителей всѣхъ Обществъ Взаимнаго Кредита для «размѣщенія среди торговцевъ, кустарей и ремесленниковъ. (Кр. Газ., ном. 208).

— «Въ селѣ Зайцевѣ (Артемовскій ок. Донской обл.) по дѣлу бѣлогвардейцевъ-участниковъ карательнаго отряда Д. Калуги и Н. Аксентьева, Калуга приговоренъ къ разстрѣлу, Аксентьевъ къ 5 годамъ заключенія со строгой изоляціей. (Бѣднота, ном. 2778).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

— Въ Гаагскомъ Международномъ Трибуналѣ закончились пренія сторонъ. Рѣшеніе будетъ вынесено позже.

— Германскій посолъ во Франціи, фонъ Гешъ возвратился въ Парижъ.

— Скончался король Камбоджи, Сисоватъ.

— Согласно статистическимъ даннымъ, опубликованнымъ сѣверо-американскимъ департаментомъ иммиграціи, число иностранцевъ въ С. Штатахъ увеличилось за послѣдній годъ на 284.498.

— На происходящихъ сейчасъ въ Турціи выборахъ, одерживаетъ побѣду правительственная партія.

— Въ Шанхаѣ обвалился крытый китайскій рынокъ. 30 китайцевъ убито и 150 ранено.

— Новый албанскій повѣренный въ дѣлахъ въ Югославіи, прибылъ въ Бѣлградъ и былъ принятъ вчера министромъ иностранныхъ дѣлъ Маринковичемъ.

— Германская полиція арестовала трехъ служащихъ химическаго завода въ Гехстѣ, въ тотъ моментъ, когда они собирались продать заграницу секретъ изготовленія нѣкоторыхъ химическихъ продуктовъ, въ частности, пирамидона. При нихъ найденъ контрактъ, по которому они должны были получить 900.000 марокъ и 6 проц. съ оборота.

САМОРОДКИ

Прочелъ «Романъ безъ вранья» Мариенгофа, то есть его воспоминанія о Есенинѣ, и потомъ, какъ нарочно, новый «маленькій фельетонъ» Дона Аминадо о самородкахъ. Какой удивительный талантъ! Опять что ни слово, то золото:

Осточертѣли эти самые самородки
Отъ сохи, отъ земли, отъ земледѣлія,
Довольно этой косоворотки и водки
И стиховъ съ похмелія!
Въ сущности, не такъ ужъ много
Требуется, чтобы стать поэтами:
— Запустить въ Господа Бога
Тяжелыми предметами.
Расшвырять, сообразно со вкусами,
Письменныя принадлежности,
Тряхнуть кудрями русыми,
И зарыдать отъ нѣжности.
Не оттого, говоритъ, я хулиганю,
Что я оболтусъ огромный,
А оттого, говоритъ, я хулиганю,
Что я такой черноземный.
У меня, говоритъ, въ одномъ нервѣ
И скаэуемыя, и подлежащія,
А вы, говоритъ, всѣ — черви
Самые настоящіе!

Въ самомъ дѣлѣ, не довольно ли съ насъ, наконецъ, этихъ русыхъ кудрей, рыданій отъ нѣжности послѣ самаго полосатаго свинства и вообще «ищущихъ, протестующихъ, мятущихся душъ?»

Пѣлъ въ одесскомъ порту «мальчонка»:

Я мать свою зарѣзалъ,
Отца сжаво убилъ,
А старшую сестренку
Невинности лишилъ —

Пѣлъ и захлебывался отъ восхищенія самимъ собою, отъ умиленія къ самому себѣ, главное, къ тому, что «пропалъ я, мальчонка, пропалъ навсегда!» И пришелъ Горькій и сдѣлалъ изъ этого острожнаго лирика соль земли, и мы двадцать лѣтъ надрывались отъ восторга передъ Горькимъ, и передъ его героемъ, равно какъ и передъ прочими «скитальцами», оравшими на насъ: «вы жабы въ гниломъ болотѣ!» и вообще «запускавшими тяжелые предметы» не только въ Господа Бога, но и во вся и во всѣхъ. Послѣ того, какъ вся эта братія, во главѣ «великой и безкровной», камня на камнѣ не оставила отъ всѣхъ нашихъ «идеаловъ и чаяній», перебила насъ сотнями тысячъ, на весь міръ опозорила Россію, довела ее до пожиранія труповъ и нечистотъ, мы какъ будто опомнились. Но точно ли опомнились? Думаю, что не очень, думаю, что Донъ Аминадо не напрасно кричитъ: довольно, дорогіе соотечественники, довольно!

Второе тысячелѣтіе идетъ нашей культурѣ. Былъ у насъ Кіевъ, Новгородъ, Псковъ, Москва, Петербургъ, было изумительное зодчество и иконописное искусство, было «Слово о Полку Игоревѣ», былъ Петръ Первый и Александръ Второй, мы на весь свѣтъ прославились нашей музыкой, литературой, въ которой былъ Ломоносовъ, Державинъ, Кольцовъ, Пушкинъ, Толстой... Но нѣтъ, намъ все мало все не то, не то! Намъ все еще подавай «самородковъ», вшивыхъ русыхъ кудрей и дикарскихъ рыданій отъ нѣжности. Это ли не сумасшествіе, это ли не послѣднее непотребство по отношенію къ самому себѣ? Вотъ въ Москвѣ было нанесено тягчайшее оскорбленіе памяти Пушкина(— вокругъ его памятника обнесли тѣло Есенина, — то есть оскорбленіе всей русской культурѣ). А какъ отнеслась къ этому русская эмиграція? Отнеслась, какъ къ дѣлу должному, оскорбленія никакого не усмотрѣла. Большинство пошло даже гораздо дальше: стало лить горчайшія слезы по «безвременно погибшей бѣлой березкѣ», въ каковую превратило оно Есенина, произведя этого маляра (правда, отъ природы весьма способнаго) чуть не въ великаго художника и убѣдивъ себя (въ который уже разъ?), что Есенины и есть подлинная соль русской земли, самый что ни на есть основной русскій духъ.

Дѣло, конечно, не въ Есенинѣ и не въ Есениныхъ, а въ нашемъ отношеніи къ нимъ, къ тому, изъ чего состоятъ они. Дѣло въ очень серьезномъ вопросѣ, вытекающемъ изъ этого отношенія: такъ что же, — значитъ, намъ и наше десятилѣтнее пребываніе въ Европѣ не помогло и насъ опять тянетъ на сиволдай, на самогонъ, и мы именно на него, на этотъ сиволдай, на самогонъ, и должны равняться? А если такъ, если, напримѣръ, этотъ самый Есенинъ со всѣми его качествами есть и въ самомъ дѣлѣ «нашъ національный поэтъ» (какъ уже сто разъ писалось въ эмигрантскихъ газетахъ), чего же намъ, позвольте спросить, воротить рыло и отъ большевизма?

В. Ф. Ходасевичъ недавно напечаталъ въ «Возрожденіи» статью по поводу «Романа безъ вранья» Мариенгофа и по поводу Есенина, героя этого романа. Статья прекрасная, но все же я совсѣмъ не согласенъ съ основной ея мыслью, будто въ «трагедіи» и во всѣхъ качествахъ Есенина виновата «цыганская власть», какъ называетъ Ходасевичъ власть большевицкую. Нѣтъ, «трагедія» Есениныхъ и сами Есенины страшно стары, на тысячу лѣтъ старше большевицкой власти, такъ стары и банальны со всей своей то острожной, то писарской лирикой, что просто уже тошнитъ отъ нихъ. «Власть, Чека покровительствовала той бандѣ, которой Есенинъ былъ окруженъ... которая была полезна большевикамъ, какъ вносящая сумятицу и безобразіе въ русскую литературу...» Все такъ. Еще въ «Бѣсахъ» было это предусмотрѣно: «Намъ каждая шелудивая кучка пригодится...» Но развѣ «шелудивую кучку» оправдываетъ то, что ею пользуются? Большевицкой власти, конечно, было очень пріятно, что Есенинъ былъ такой хамъ и хулиганъ, какихъ даже на Руси мало, что «нашъ національный поэтъ» былъ другъ-пріятель и собутыльникъ чекистовъ, «молился Богу матерщиной», по его собственному выраженію, Европу и Америку называлъ «мразью», и въ то же время наряжался въ шелковое бѣлье на счетъ американской старухи, мордуя ее чѣмъ попадя и гдѣ попало, и вообще по всему свѣту позорилъ русское имя. Но что жъ съ того, что большевикамъ все это было пріятно? Тѣмъ хуже для Есенина. Онъ талантъ, трагическая натура, и посему ему все прощается? Но талантъ у него былъ вовсе не такой, чтобы ему все прощать, а «трагедія» его стара, какъ кабаки и полицейскіе участки. Вѣдь и до Есенина былъ вышеупомянутый «мальчонка», вѣдь и до него пѣли: «Я мою хорошую въ морду калошею», и во вѣки вѣковъ процвѣтала на Руси бѣлая горячка, въ припадкахъ которой и вѣшаются, и рѣжутся. И думаю, что все это отлично знаютъ всѣ проливающіе слезы надъ погибшей бѣлой березой. А если знаютъ, то почему же все-таки проливаютъ? А потому, очевидно, что и до сихъ поръ сидитъ въ насъ нѣкое истинно роковое влеченію къ дикарю и хаму.

Одинъ писатель какъ-то жаловался Чехову:

— Антонъ Павловичъ, что мнѣ дѣлать? Меня рефлексія заѣла!

Чеховъ сумрачно отвѣтилъ ему:

—А вы поменьше водки пейте.

«Рефлексія», тоска, «надрывы», гражданская скорбь... Помню, мы не разъ бесѣдовали объ этомъ съ Чеховымъ, и онъ упорно твердилъ:

— «Какъ врачъ вамъ говорю: это все отъ некультурности. Державинъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Толстой, Тютчевъ, Майковъ и всѣ прочіе, подобные имъ, не пьянствовали и не надрывались. А вотъ какъ пошли разночинцы, всѣ эти Левитовы, Нефедовы, Омуловскіе, такъ и пошла писать губернія...

Кстати: въ нынѣшнемъ году исполняется, кажется, сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ погибъ одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ писателей, принадлежавшій къ числу тѣхъ, кого упоминалъ Чеховъ, — Николай Васильевичъ Успенскій. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ онъ занималъ въ литературѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, и совсѣмъ не въ силу какихъ - нибудь постороннихъ обстоятельствъ, а исключительно въ силу своего очень большого художественнаго таланта. Однако, онъ сдѣлалъ, кажется, буквально все, что отъ него зависѣло, чтобы погубить и свою славу, и свой талантъ. Онъ быстро бросилъ работать, сталъ пьяницей и бродягой, писать сталъ какъ попало и что попало и кончилъ свое ужасное существованіе въ Москвѣ на улицѣ: перерѣзалъ себѣ горло бритвой. Существованіе это было, дѣйствительно, ужасное и позорное. Мы были съ нимъ земляки, и я о немъ много наслышался въ Ефремовѣ (уѣздный городъ Тульской губерніи) и въ деревняхъ Ефремовскаго уѣзда, а потомъ отъ его тестя и тещи. Эти послѣдніе (попъ и попадья) жили отъ насъ въ верстахъ тридцати. Узнавъ о смерти Успенскаго, я, съ мальчишеской горячностью, тотчасъ же поскакалъ къ нимъ. Батюшка принялъ меня ласково, но отъ разговоровъ о зятѣ уклонился, поспѣшилъ уйти на пасѣку. Зато матушка, — съ которой Успенскій долго жилъ, какъ мужъ съ женой, — проявила рѣдкую откровенность:

— Да, сказала она, это все правда, что говорятъ и говорили о Николаѣ Васильевичѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ явился къ намъ вполнѣ босякомъ, поселился у насъ и вскорѣ увлекъ и обезчестилъ мою дочь, — на зло мнѣ, какъ онъ самъ выразился. На зло за что? Но онъ и самъ этого не зналъ: просто, говоритъ, захотѣлось сдѣлать гадость и все тутъ. Затѣмъ онъ на ней женился, свелъ ее въ гробъ, а дѣвочку, прижитую съ ней, увелъ съ собой, уходя отъ насъ. Жилъ онъ тѣмъ, что потѣшалъ купцовъ, мѣщанъ и мужиковъ всякимъ шутовствомъ, игрой на гармоникѣ, тѣмъ, что заставлялъ своего несчастнаго ребенка плясать подъ гармонику и приговаривать всякую похабщину. Онъ иногда даже бралъ ее, какъ щенка, за шиворотъ и, на забаву мужикамъ, бросалъ въ рѣку, въ прудъ. Вотъ, говорилъ онъ, вы сейчасъ увидите, православные, образецъ раціональнаго воспитанія, — и трахъ ребенка въ воду! Богъ ему судья, замѣчательный, но ужасный былъ человѣкъ. Тургеневъ, желая его спасти, цѣлое имѣніе ему подарилъ. Такъ нѣтъ — онъ и имѣнье бросилъ. Оскорбилъ ни за что, ни про что Тургенева и опять ушелъ шататься...

И еще кстати о Левитовѣ. Теперь и Левитова никто не знаетъ, не помнитъ, а межъ тѣмъ и онъ когда-то гремѣлъ и опять съ полнымъ основаніемъ, такъ какъ тоже обладалъ замѣчательнымъ талантомъ: изъ того, что онъ написалъ, и напечаталъ, по крайней мѣрѣ, треть принадлежитъ къ истиннымъ перламъ русской литературы. Но и Левитовъ погибъ въ бѣлой горячкѣ въ одной изъ московскихъ больницъ. И Левитовъ былъ горькій пьяница и бродяга. И его сто разъ пытались (совершенно тщетно, разумѣется) спасти, устроить. Я зналъ одного изъ этихъ спасителей, и онъ мнѣ разсказывалъ:

— Я однажды Левитова подобралъ въ такой грязи, въ такой нищетѣ, которой вы представить себѣ не можете. Онъ у меня отдышался, отъѣлся, я его одѣлъ, обулъ, предоставилъ ему прекрасную комнату, снабдилъ карманными деньгами, — молъ, живи сколько хочешь, поправляйся, работай... И чѣмъ же онъ мнѣ отплатилъ за все это? Выхожу разъ утромъ, а онъ ходитъ по гостиной, куда только что поставили новую шелковую мебель, — и мочится на кресла, диваны.. Увидалъ меня и сдѣлалъ этакъ ручкой: «Вотъ вамъ, говоритъ, полюбуйтесь на свою мебель!» А затѣмъ вышелъ въ прихожую, взялъ свой картузъ и палку — и исчезъ...

Впрочемъ я, конечно, не сравниваю Успенскихъ съ Есениными, — разница

Литература, критика и искусство

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИЗЪ СБОРНИКА «УТЛОЕ ЖИЛЬЕ»

1

Деревъ неубраннаго сада
Томительная нагота,
Передвесенняя прохлада,
Предутренняя чистота...

Въ душѣ и въ мірѣ разлита
Такая терпкая услада,
Что мнится: вотъ въ ворота сада,
Легко ступивъ изъ-за куста,
Пройдетъ любимая когда-то,
Подаритъ хладныя уста.

Невыразимая отрада
Объемлетъ сердце, и тогда
Мнѣ станетъ ничего не надо,
Жизнь будетъ легкой навсегда,
Воздушной, какъ вѣтвей аркада,
Прозрачною, какъ пустота.

1927.

2

Декабрь — и вѣянье весны.
Чуть золотомъ окаймлены
Края фисташковаго неба.

Деревьевъ черныхъ нагота,
Ихъ трепетная пустота
Волнуютъ духъ неизъяснимо.

Надъ крышей голуби кружатъ,
Ихъ гамъ и голоса ребятъ
Звучатъ нестройно и нелѣпо.

И отъ самой себя душа,
Восторгомъ пустоты дыша,
Стремится прочь неудержимо.

1925.

Глѣбъ Струве.

ПО ПОВОДУ КНИГИ Н. Н. ГОЛОВИНА

«МЫСЛИ ОБЪ УСТРОЙСТВѢ БУДУЩЕЙ РОССІЙСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ»

«Возрожденіе» уже отмѣтило появленіе этого капитальнаго труда, который, какъ все, что выходитъ изъ подъ пера нашего извѣстнаго военнаго писателя, отличается глубокой продуманностью, жизненностью, обиліемъ научнаго матеріала и строгимъ обоснованіемъ выводовъ. Нѣкоторыя главы его выходили раньше отдѣльными очерками въ «Военномъ Сборникѣ» — нынѣ онѣ переработаны и дополнены и съ введенными новыми, представляющими особую цѣнность, составляютъ законченное цѣлое. Объ этомъ то цѣломъ, прежде, чѣмъ заняться его богатымъ матеріаломъ по частямъ, и хотѣлось бы поговорить сегодня съ читателемъ, давъ, какъ предпосылку, общую картину.

Задачу авторъ взялъ на себя нелегкую: онъ, строго говоря, очертилъ современное, создавшееся по опыту Великой войны, состояніе военнаго дѣла въ направленіяхъ подготовки государства къ войнѣ и развитія техническихъ средствъ и, что самое трудное, разработалъ вытекающіе изъ этого организаціонные вопросы.

Параллельно ему пришлось, полученные выводы и данныя приспособить къ тому военно-политическому и экономическому положенію Россіи, какъ онъ представится послѣ освобожденія ея отъ ига большевиковъ.

Справился съ этой задачей авторъ блестяще: онъ, дѣйствительно, разворачиваетъ передъ нами полную картину того, во что должна вылиться военная мощь Россіи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Очерки 1 и 2 посвящены оцѣнкѣ опыта войнъ Великой и гражданской и изслѣдованія доктрины и внѣшняго выраженія ихъ въ лицѣ уставовъ, наставленій и т. д., при чемъ оттѣняется, что единственно вѣрный путь къ созданію послѣднихъ есть только научный, въ чемъ мы часто раньше грѣшили.

Крайне интересны очерки 3 и 4, трактующіе о качествѣ войскъ и значеніи современнаго огня.

Авторъ касается здѣсь главенствующаго значенія духа войскъ, зависимости его отъ соціальныхъ и политическихъ условій и приводитъ рядъ мѣръ, необходимыхъ для доведенія качества будущей русской арміи до высшей степени, причемъ удѣляетъ особое вниманіе подготовкѣ высшаго командного состава и Генеральнаго Штаба. Что же относится къ значенію современнаго огня, то, указывая на сущность огневой тактики, остававшейся, къ сожалѣнію, долго и многими непонятой, Н. Н. Головинъ приводитъ ее въ равновѣсіе съ духомъ, психологической стороной дѣла, т. е. той отраслью, въ которой лежатъ ключи къ побѣдѣ и пораженію.

Очеркъ 5 затрагиваетъ вопросъ о количествѣ войскъ, при чемъ попутно вскрывается здѣсь истинная причина того, на первый взглядъ страннаго, явленія, что къ концу 1916 года въ Россіи, мобилизовавшей при ея 170 милліонномъ населеніи менѣе людей (относительно), чѣмъ другія воюющія страны, ощущалось уже острое, грозившее всей хозяйственной жизни Имперіи безлюдье.

Въ очеркѣ 6-мъ обслѣдуются будущіе русскіе театры войны, что особенно интересно, такъ какъ новое начертаніе государственной границы совершенно видоизмѣнило сравнительно съ 1914 г. значеніе нѣкоторыхъ отечественныхъ территорій, нынѣ превратившихся въ вѣроятные театры операцій и создало новую важно-политическую обстановку, въ которой даже спеціалистамъ не разобраться быстро, безъ путеводной нити и надлежащихъ географическихъ пособій.

Наконецъ, часть II (очерки 7 — 13) посвящены устройству войскъ и захваты ваетъ и новыя, создавшіяся передъ самой войной и преимущественно въ теченіе ея, спеціальности, а именно воздушныя, броневыя и химическія войска.

Современныя огневыя средства наложили свой глубокій отпечатокъ на тактику пѣхоты, что вызвало соотвѣтственныя измѣненія въ организаціи ея и вооруженіи. Винтовки уступили первое мѣсто пулемету, пѣхоту пришлось снабдить еще своей «пѣхотной артилеріей», гранато-метательнымъ ружьемъ и ружьемъ-пулеметомъ.

Организація, вооруженіе и боевые пріемы конницы также претерпѣли серьезныя измѣненія подъ давленіемъ современной огневой обстановки.

Если основное ея свойство — подвижность и сохранило полное свое значеніе, то тактическіе методы конницы уже другіе, бой ея, какъ и пѣхоты, расчленился на рядъ частныхъ, однако, связанныхъ общей идеей боевъ, введенныхъ взаимной комбинаціей огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, что и замѣнило прежнее исканіе массового «шока».

По отношенію къ артиллеріи, Великая война выявила, какъ необходимость значительнаго абсолютнаго увеличенія ея, такъ и введеніе вооруженій разнообразныхъ образцовъ и калибровъ... Только при этомъ условіи и при наличности громаднаго количества тоже разнообразныхъ снарядовъ, артиллерія можетъ разрѣшать выпадающія на ея долю многогранныя задачи. Естественно, что перечисленные факторы вызвали крупныя организаціонныя измѣненія. Въ свою очередь, обозначилась необходимость совершенно реорганизовать инженерныя войска, введя ихъ и такъ же, какъ и вновь создаваемыя особыя «войска связи» въ общую категорію войскъ, называемую «техническими войсками».

Наконецъ, генералъ Головинъ подробно изслѣдуетъ еще свойства, задачи, обоpудованіе и организацію воздушныхъ войскъ (авіація и аэронавтика), броневыхъ войскъ (бронепоѣзда, бронеавтомобили и танки) и химическихъ войскъ. Отдѣлы эти совершенно новые и нуждаются въ детальномъ изложеніи, которому будутъ посвящены особыя статьи.

Итакъ, въ заключеніе, мы беремся утверждать, что трудъ генерала Головина является всестороннимъ, глубокимъ изслѣдованіемъ современнаго состоянія военнаго дѣла, заключающимъ рядъ интересныхъ новыхъ идей.

Обиліе цифровыхъ данныхъ и общая научность изложенія, дѣлаютъ его настольной книгой для всякаго военно-образованнаго человѣка — книгой, вдобавокъ изданной чрезвычайно опрято съ ласкающей взоръ обложкой съ славнымъ Андреевскимъ крестомъ.

А. Н. Виноградскій.

БЛЭЗЪ СЕНДАРСЪ

Въ 1909 г. въ московскомъ издательствѣ Сатонова вышла въ свѣтъ небольшая (страницъ въ 50) книжка на французскомъ языкѣ «Легенда Великаго Новгорода». Имя автора этой книги, имя Блэза Сендарса, не говорило ничего ни русской, ни французской публикѣ. Блэзу Сендарсу было тогда 22 года. Онъ зарабатывалъ свой хлѣбъ преподаваніемъ французскаго языка въ московскихъ купеческихъ семьяхъ и службой въ банкѣ. Сейчасъ Сендарсъ одинъ изъ первыхъ поэтовъ и романистовъ Франціи.

Жизнь всякаго европейца въ наши годы богата неожиданностями, приключеніями и «курьезами». Современному поэту незачѣмъ ѣхать въ Грецію искать смерти на полѣ брани (по примѣру Байрона), торговать живымъ товаромъ и слоновой костью въ Африкѣ (какъ Рембо), или дѣлаться отшельникомъ въ Океаніи (какъ Стевенсонъ). Современный поэтъ, живя просто, «по будничному», переживаетъ подчасъ самыя изумительныя событія.

Жизнь Сендарса увлекательнѣйшая повѣсть. Въ 1905 г. онъ ѣдетъ изъ Швейцаріи, своей родины, въ Россію учительствовать. Попадаетъ въ Сибирь; передъ его глазами проходитъ демобилизація куропаткинскихъ войскъ, первая революція, первая великая россійская «деморализація».

Въ 1910 г. Сендарсъ ѣдетъ въ Парижъ и попадаетъ въ самую гущу литературной борьбы: модернисты, футуристы, кубисты ведутъ отчаянную борьбу съ традиціями, пылко ниспровергаютъ устои. Въ 1911-1912 гг. онъ живетъ въ Америкѣ, испытывая на себѣ всѣ прелести мѣщанско-пуританскаго уклада. Въ 1913-1914 г. г. — снова Парижъ: кофейня, споры, передовые журнальчики, диспуты, атмосфера, насыщенная электричествомъ, надвигающаяся буря 2-го августа. Въ 1914 г. Сендарсъ поступаетъ добровольцемъ во французскую армію: траншеи, подвиги, почетный легіонъ и потеря правой руки. Въ 1919 г. онъ кочуетъ по свѣту, вооруженный «стило» и фотографическимъ аппаратомъ. Лѣто проводитъ въ Бразиліи, зиму въ Японіи, весной успѣваетъ побывать въ Мексикѣ, а осенью въ Гонолулу. Разъ въ два года онъ пріѣзжаетъ въ Парижъ и выпускаетъ книжку. Не жизнь, а фильма.

На французскомъ литературномъ горизонтѣ Сендарсъ — величина очень крупная. Недавно одинъ солидный критикъ отвелъ ему второе мѣсто во французской поэзіи за 50 лѣтъ (послѣ Рембо). Разсмотримъ вкратцѣ «эволюцію» Сендарса и его главныя произведенія. Въ молодости поэтъ подвергался сильному вліянію Клоделя, Жаммса, Пэги, а также русскихъ поэтовъ - романтиковъ, символистовъ и мистиковъ. Плодами ранняго «идеалистическаго» умонастроенія Сендарса были упомянутая выше «Легенда Великаго Новгорода» (тема: встрѣча утонченнаго европейца со старенькимъ мудрымъ и кроткимъ русскимъ монахомъ) и поразительная «Пасха въ Нью-Іоркѣ» — вопль человѣческой души, задавленной и приниженной американскими «грубыми кубами» (въ этой послѣдней поэмѣ особенно чувствуется вліяніе Вл. Соловьева Блока и Андрея Бѣлаго). Въ 1913 г., однако, Сендарсъ рѣшительно переходитъ въ лагерь модернистовъ и пишетъ «La Prose du Transibérien» — поэму, долго почитавшуюся чуть ли не футуристическимъ Евангеліемъ. Къ футуристическому періоду относится и «Панама» («Похожденія моихъ семи дядей»). Въ 1917 г., вернувшись съ фронта, Сендарсъ окончательно находитъ свой путь. Онъ выпускаетъ двѣ небольшихъ поэмы въ прозѣ: «Я убилъ» и «Война въ Люксембургѣ» (съ иллюстраціями Кислинга), прекрасныя книги о войнѣ, насыщенныя пламенной, неистребимой любовью къ людямъ. Въ 1919 г. онъ пишетъ «Конецъ свѣта» и «Фильму», исполненную глубокаго лизиризма. Въ 1924-1926 годахъ поэтъ выпустилъ у Грассэ два большихъ романа «Золото» и «Моравачинъ». Остальныя его произведенія — путевыя замѣтки, статьи о литературѣ, живописи, кинематографѣ и т. д.

Въ чемъ значеніе, въ чемъ цѣнность творчества Сендарса?

Въ полномъ презрѣніи къ прославленному французскому «изяществу» (неизбѣжно граничащему съ поверхностностью), портящему творенія даже такихъ поэтовъ, какъ Бодлэръ и Клодель. Въ умѣніи сочетать самый убѣдительный и неприкрашенный реализмъ съ тончайшимъ лиризмомъ («Я убилъ»). Въ пренебреженіи къ внѣшнему, «преходящему» (къ литературной политикѣ и требованіямъ всякихъ «кружковъ», ежедневно сочиняющихъ новые «измы»). Въ умѣломъ пользованіи современными декораціями («телеграфный» стиль, путешествія, яркіе ,сильные образы, экзотика) для выявленія извѣчнаго Бога: въ этомъ отличіе Сендарса отъ всѣхъ «модернистовъ», пишущихъ только для того, чтобы щегольнуть новизной. Въ огромномъ самородномъ талантѣ, выращенномъ не въ «Ротондѣ», не въ литературныхъ теплицахъ, а на просторѣ, «подъ небомъ»...

Изъ французскихъ поэтовъ Сендарсъ, пожалуй, самый близкій намъ, русскимъ. Россію онъ любитъ пламенно. Позднѣйшія путешествія и вліянія не стерли въ его душѣ воспоминаній о «Великомъ Новгородѣ», о русскихъ церквахъ, о русскихъ сказкахъ. Въ мрачномъ Нью-Іоркѣ, одѣтомъ въ туманы, утыканномъ свѣтящимися вывѣсками, наполненномъ всяческимъ грохотомъ и шумомъ, поэтъ вспомнилъ съ любовью и начерталъ о Россіи:

Un moine me racontait l'histoire de Novgorod.
Il travaillait pieusement, Seigneur, en s'inspirant de Vous...

М. Горѣловъ

Нравы совѣтскихъ издательствъ

Въ Московскомъ судѣ разбирались 3 дѣла по искамъ авторовъ къ различнымъ совѣтскимъ издательствамъ. На судѣ выяснились («Извѣстія» 177) любопытныя черты совѣтскихъ нравовъ. Такъ одно изъ издательствъ предложило автору четыре рубля вмѣсто 16, «потому что его стихотвореніе было напечатано 7 мѣс. тому назадъ и онъ могъ получить гонораръ немедленно». Другое отказалось отъ платежей, ибо «его редакторъ не былъ уполномоченъ давать заказы на переводы». Наконецъ, третье сознало, что «хотя на обложкахъ тиражъ былъ обозначенъ 20.000 и 15.000 экз., но въ дѣйствительности выпущено было неболѣе 10.000». Въ послѣднемъ дѣлѣ судъ даже разъяснилъ, что подобныя ошибки не случайны и бываютъ и въ другихъ издательствахъ, На основаніи этого авторитетнаго разъясненія теперь, беря въ руки совѣтскую книгу съ хвастливой надписью: «Одиннадцатая тысяча», можно не бояться чрезмѣрнаго распространенія коммунистическихъ изданій: одиннадцатая — она же и первая.

СОЮЗЪ РУССК. СЦЕНИЧЕСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ ИСКУССТВА

На-дняхъ во Франціи сконструировался «Профессіональный союзъ русскихъ сценическихъ и кинематографическихъ профессіональныхъ дѣятелей во Франціи».

Правленіе Союза: предсѣдатель кн. С. М. Волконскій, тов. предс. М. К. Адамовъ и М. Н. Мартовъ, секретарь К. В. Сафоновъ, казначей И. Э. Дуванъ-Торцовъ и члены Правленія: Л. М. Дмитріевъ, Л. Д. Теплицкій, А. М. Бозановъ и кандидаты въ Главное Правленіе: Б. Н. Эспэ и И. Э. Дуванъ-Торцовъ.

Ревизіонная комиссія: А. А. Эйхенвальдъ, Н. Н. Кедровъ, П. А. Павловъ и кандидатъ А. П. Воротниковъ и А. М. Лихтенштейнъ.

Судъ чести: предсѣдатель М. К. Адамовъ, тов. предс. И. Э. Дуванъ-Торцовъ, члены суда и кандидаты въ члены А. П. Воротниковъ, М. М. Кожевниковъ, В. И. Клонинъ и Л. Д. Теплицкій.

Союзъ помѣщается на 70, рю де л-Ассомпсіонъ, 16 арр. Пріемные дни: воскресенье и вторникъ отъ 2—4 ч. д. и пятница отъ 8—10 ч. в.

Союзъ проситъ всѣхъ театральныхъ и кинематографическихъ дѣятелей, находящихся за рубежомъ Россіи, дать свѣдѣнія о себѣ и объ извѣстныхъ имъ театральныхъ и кинематографическихъ предпріятіяхъ.

ШАЛЯПИНЪ И «ГАБИМА»

Еврейскій парижскій журналъ «La Jeness Жюивъ», (ном. 11), сообщаетъ:

«Отто Канъ (изъ Нью-Іорка) опубликовалъ воззваніе о сборѣ денегъ для устройства въ Палестинѣ постояннаго еврейскаго театра «Габима». Уже собрано 20.000 долларовъ. Въ числѣ членовъ Комитета находятся знаменитый русскій артистъ Ф. Шаляпинъ и нью-іоркскій судья Юліанъ Макъ».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Д. С. Мережковскій работаетъ надъ послѣдними главами «Жизни Наполеона» — продолженіемъ, написанной имъ въ прошломъ году книги «Наполеонъ-человѣкъ» — и собираетъ матеріалъ для новой книги (о христіанствѣ). Заканчивающійся печатаніемъ въ ближайшемъ номерѣ «Современныхъ Записокъ», романъ Д. С. «Мессія», вышелъ недавно по-англійски (въ Америкѣ), а осенью выйдетъ въ нѣмецкомъ и итальянскомъ переводахъ. Въ октябрѣ французское издательство «Artisan du Livre», предполагаетъ выпустить «Тайну Трехъ» («Les mistères de l'Orient»), въ переводѣ М. Дюменниль де Грамонъ.

⁂

З. Н. Гиппіусъ закончила «франко-русскій» романъ, заглавіе для котораго еще не придумала, и сейчасъ пишетъ новый романъ «Царица міра», а также подготовляетъ большую статью о петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ.

⁂

Госиздатъ составляетъ широчайшіе планы изданія классическихъ произведеній міровой литературы. Задуманъ цѣлый рядъ серій. Прежде всего намѣчены фундаментальныя изданія русскихъ писателей: Пушкина, Тургенева, Толстого, Достоевскаго. Какъ у насъ сообщалось, сочиненія Толстого и Достоевскаго уже начали выходить, но въ эти «фундаментальныя» изданія входятъ лишь художественныя произведенія: статьи Толстого и «Дневникъ Писателя» Достоевскаго не пропущены совѣтской цензурой.

Вторую серію составляютъ «Русскіе и міровые классики», въ избранныхъ произведеніяхъ «съ соотвѣтствующими марксистскими примѣчаніями и предисловіями». Сюда входятъ нѣкоторыя вещи Гоголя, Сухово-Кабылина, Чехова, Гаршина, Григоровича, Гончарова, Рѣшетникова. Будетъ данъ также Козьма Прутковъ («съ марксистскими примѣчаніями»!). Изъ иностранныхъ классиковъ — «Фаустъ» въ переводѣ В. Брюсова, лирика Гейне, избранныя произведенія Флобера и А. Франса. «Гаргантюа» Рабле. Сюда же «реквизируются» «Пѣснь о Гайаватѣ» въ перев. И. А. Бунина и «Барсова шкура»» Руставели въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Обѣщанъ также полный переводъ «Пана Тадеуша» Мицкевича. Такъ какъ новаго перевода не существуетъ, то, очевидно, это либо переводъ Гербеля, либо Бенедиктова. Оба — никуда не годны.

Далѣе идетъ «Универсальная Библіотека Классиковъ», изданіе болѣе дешевое. Сюда входятъ отдѣльныя произведенія Толстого, Достоевскаго, Лѣскова, Мюссе, Франса, Б. Шоу, М. Твена и др.

Четвертая серія — «Народная библіотека классиковъ», книги цѣною въ одну, двѣ, три до десяти копеекъ. Сюда предположено включить небольшія вещи Некрасова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Чехова, Успенскаго, Горькаго, Короленки, Л. Андреева, Достоевскаго Вересаева, Гончарова, Бунина, Куприна и др. Изъ иностранцевъ — Золя, Мопассанъ, Бальзакъ, Гюго, Мирбо, Ролланъ, Харди, Джекъ Лондонъ, Синклеръ, Келлерманъ, Флоберъ, Шеломъ Алейхемъ.

Здѣсь, повидимому, многое будетъ дано въ сокращенномъ видѣ.

Пятую серію составляетъ «Дешевая библіотека классиковъ для школъ и самообразованія», составленная въ согласіи съ программами ГУС-а.

Параллельно съ этими серіями, предполагается издавать «Изслѣдовательскую библіотеку о классикахъ». Въ нее войдутъ монографіи: Пиксанова — о Грибоѣдовѣ, Брюсова — «Мой Пушкинъ» (сборникъ статей, а не монографія), Луначарскаго — о классикахъ западной литературы, Переверзева — о Достоевскомъ и т. д. Наряду съ серьезными изслѣдователями, какъ Пиксановъ, Сакулинъ, Коксманъ, Цявловскій, къ редактированію классиковъ привлечены: «академикъ» П. С. Коганъ, Фриче, Эйхенгольцъ, Горбачевъ и даже... Лебедевъ-Полянскій, котораго на офиціальномъ пріемѣ писателей, Луначарскій офиціально назвалъ дуракомъ.

Любопытно отмѣтить, что изъ трехъ нынѣ здравствующихъ русскихъ писателей, причисленныхъ Госиздатомъ къ класикамъ (Горькій, Бунинъ, Купринъ) — два послѣднихъ находятся въ эмиграціи. Правда, въ одномъ спискѣ мелькаетъ еще имя находящагося въ СССР Вересаева, но это, разумѣется, простая любезность: писатель тихій, приличный, нудный, В. В. Вересаевъ можетъ быть названъ классикомъ развѣ только изъ наивной любезности, либо — ради злой шутки.

Отъ справочно-библіографическаго отд. книжнаго маг. Я. Поволоцкій и Ком. въ Парижѣ поступили въ редакцію газ. «Возрожденія» слѣдующія книги:

Красный Архивъ. т. XX. Центрархивъ 1927.

Словохотовъ. Л. А. О классикахъ русской литературы. 1927.

Фельетонъ. Сборникъ статей подъ ред. Ю. Тынянова и Б. Казанскаго.

между ними безмѣрная. Все, мною разсказанное о Левитовѣ и Успенскомъ, суціе, конечно, пустяки по сравненію съ той чудовищной низостью, до которой дошли прозаики и поэты изъ острожниковъ и полотеровъ. Мы о нихъ уже много наслышались и начитались. Напримѣръ, мы читали въ «Современныхъ Запискахъ» статью Ходасевича все о томъ же Есенинѣ, гдѣ ,между прочимъ, разсказывается, что у Есенина, въ числѣ прочихъ способовъ обольщать дѣвицъ, былъ и такой: онъ предлагалъ дѣвицѣ посмотрѣть разстрѣлы въ Чека, — я, молъ, для васъ легко могу устроить это. Но всетаки рекомендую непремѣнно прочитать «романъ» Маріенгофа. Какъ документъ, это самая замѣчательная изъ всѣхъ книгъ, вышедшихъ въ Россіи за совѣтскіе годы. Маріенгофъ сверхъ-негодяй — это ему принадлежитъ, напримѣръ, одна такая строчка о Богоматери, гнуснѣе которой не было на землѣ никогда. Но чудовищный «романъ» его очень талантливъ, дѣйствительно лишенъ всякаго вранья и есть, повторяю, драгоцѣннѣйшій историческій документъ.

Я приведу изъ него всего нѣсколько строкъ, сравнительно невинныхъ, но все таки удивительно постыдныхъ для почитателей Есенина: о томъ, какъ жулики гриммируются подъ самородковъ и сколь уже не ново это искусство. Есенинъ, въ зависимости отъ необходимости, то воспѣвавшій сладкимъ тенеромъ Іисуса, то съ балаганно-наигранной удалью «крывшій матомъ» все и вся на землѣ и на небѣ, поучаетъ Маріенгофа, какъ надо дѣлать поэтическую карьеру:

— Такъ, съ бухты барахты, не слѣдъ лѣзть въ русскую литературу, Толя, искусно надо вести игру и тончайшую политику. Трудно тебѣ будетъ въ лаковыхъ ботиночкахъ. Развѣ можно безъ поэтической разсѣянности? Развѣ витаютъ подъ облаками въ брюкахъ изъ-подъ утюга? Вонъ, смотри — Бѣлый. И волосъ ужъ сѣдой, и лысина, а даже передъ своей кухаркой, и то вдохновенно ходитъ. **А еще очень невредно прикинуться дурачкомъ. Шибко у насъ дурачка любятъ. Да и вообще каждому надо поставить свое удовольствіе.** Знаешь, какъ я на Пар насъ всходилъ? Тутъ, братъ, дѣло надо было вести хитро. Всходилъ въ поддевкѣ, въ рубашкѣ расшитой, какъ полотенце, съ голенищами въ гармошку. Одинъ говоритъ, что это его, Есенина, въ литературу ввелъ Городецкій, другой — что это ввелъ Клюевъ ,третій — что это Сологубъ, четвертый — что это Мережковскій, Гиппіусиха, Блокъ... А я со всѣми соглашаюсь: ввелъ, ввелъ... Всѣ на меня въ лорнеты, — «ахъ, какъ замѣчательно, ахъ, какъ геніально.» — а я-то краснѣю, какъ дѣвушка, никому въ глаза не гляжу отъ робости! Потѣха! Знаешь, я никогда въ жизни не носилъ такихъ рыжихъ сапогъ и такой драной поддевки, въ какой передъ ними предсталъ. Говорю, ѣду въ Ригу бочки катать, жрать, молъ, нечего. А какія тамъ бочки — за міровой славой въ Санктъ - Петербургъ пріѣхалъ, за бронзовымъ монументомъ... Вотъ и Клюевъ тоже такъ. Тотъ маляромъ прикинулся. Къ Городецкому съ чернаго хода пришелъ, — не надо ли, молъ, чего покрасить, —и давай кухаркѣ стихи читать. А кухарка сейчасъ къ барину, а баринъ зоветъ поэта-маляра въ комнаты, а поэтъ-то упирается: гдѣ ужъ, молъ, намъ въ горницу, креслица барину перепачкаю, полъ вошеный наслѣжу... Баринъ предлагаетъ садиться, — Клюевъ опять ломается, мнется, да нѣтъ, молъ, мы постоимъ... Такъ, стоя въ кухнѣ, и читалъ ему стихи...

— Тутъ, разсказываетъ Маріенгофъ, Есенинъ помолчалъ, глаза его обернулись въ сѣрые, злые. «Меня, продолжалъ Есенинъ, недѣли три по салонамъ таскали, я имъ похабныя частушки распѣвалъ подъ тальянку... Ухъ, какъ ненавижу я всѣхъ этихъ Сологубовъ съ Гиппіусихами!»

Ив. Бунинъ

„Тамъ, гдѣ еще бьются"

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПОВСТАНЧЕСКАГО АТАМАНА КРЕЧЕТА *)

Черезъ минуту вошелъ капитанъ Андреевъ.

— Вотъ что, Шурикъ, — обратился я къ нему. — Попроси всѣхъ начальниковъ отрядовъ собраться сюда ко мнѣ.

— Слушаю, — откозырялъ адъютантъ и вышелъ изъ палатки.

Минутъ черезъ десять собрались всѣ начальники отрядовъ.

— Вотъ что, дорогіе мои, — обратился я къ собравшимся. — Главный Атаманъ прислалъ капитана Корча спросить, что мы намѣрены дѣлать дальше.

— Большевиковъ бить въ хвостъ и гриву, — угрюмо произнесъ печальный и молчаливый въ послѣднее время капитанъ Назанскій.

— Хорошо. Но, какъ бить? Каковъ планъ? — спросилъ Корчъ.

— Каковъ бы ни былъ, лишь бы бить, а не стоять на мѣстѣ и не разводить разныя басни, — раздраженно отвѣтилъ Назанскій.

Я взглянулъ на Назанскаго и поразился сосредоточенно злобнымъ выраженіемъ его лица. Вообще, въ немъ теперь было что то странное. Эту странность у капитана Назанскаго я началъ замѣчать уже недѣли двѣ. Всегда веселый и беззаботный, общій любимецъ, за послѣднее время Назанскій сталъ хмурымъ, угрюмымъ и явно чуждался людей. Нѣсколько разъ я пробовалъ допытаться отъ него о причинѣ такой перемѣны, но всякій разъ, вмѣсто отвѣта, онъ только хмурился и уходилъ.

— Я вотъ, что скажу, — продолжалъ Назанскій. — Хотя бы весь свѣтъ пришелъ къ соглашенію съ красными негодяями, пока я владѣю оружіемъ, я не сложу его.

Его голосъ поднялся почти до крика.

— Ты, я вижу, еще больше обозленъ на красныхъ, — сказалъ Корчъ.

— Да, еще больше. Только это ужъ недолго будетъ. Всему бываетъ конецъ.

— Почему ты говоришь какими то загадками?

— Почему, почему! Потому, что знаю, что скоро конецъ. Да что тутъ толковать! Обсуждайте и обдумывайте планы, а я не могу. Я за то, чтобы бить большевиковъ, вотъ и все! — воскликнулъ Назанскій и выбѣжалъ изъ палатки.

— Что съ нимъ такое творится? — обратился ко мнѣ капитанъ Корчъ.

— Богъ его знаетъ, — отвѣтилъ я. — Что то у него есть, а, въ чемъ дѣло не говоритъ.

— Эту перемѣну и я замѣтилъ — вставилъ поручикъ Берюковичъ. — Я какъ то заглянулъ къ нему въ палатку. Представьте себѣ.. Стоитъ человѣкъ на колѣняхъ, лицо перекосилось, держитъ въ рукѣ кинжалъ и тычетъ имъ въ землю. А самъ бормочетъ: «Убью, убью». Я его, было, окликнулъ; но онъ даже не замѣтилъ. Твердитъ все свое «убью».

— Довольно пока о немъ, господа. Приступимъ къ дѣлу, — сказалъ я. — Какъ же мы будемъ поступать? Ваши мнѣнія.

— Я присоединяюсь къ мнѣнію капитана Назанскаго, — рѣшительно произнесъ поручикъ Короткевичъ. — Думать тутъ долго нечего.

— И мы того же мнѣнія, — отозвались остальные.

— Хорошо, господа. Но вѣдь нуженъ планъ, по которому работать. Притомъ здѣсь, на Птичѣ, намъ оставаться нельзя. Намъ надо выбрать такое мѣсто, гдѣ мы были бы сами болѣе или менѣе въ безопасности, а въ то же время, могли бы наносить врагу чувствительные удары. Надъ этимъ надо серьезно подумать.

— Боже мой! — воскликнулъ поручикъ Чадай. — Вотъ наказаніе! Терпѣть я не могу этихъ разныхъ стратегій и всякихъ штабныхъ комбинацій. Сиди и ломай голову надъ планомъ. Не въ моемъ это духѣ. Мнѣ бы наскочить на кого, да порубиться, какъ слѣдуетъ.

— Вотъ сорви-голова, — сказалъ я. — Ему бы все порубиться съ кѣмъ, да стрѣльнуть за дѣвчонкой, да, гдѣ нибудь «столпотвореніе вавилонское» устроить. Такъ, братецъ, нельзя. Я тоже не штабистъ, а между тѣмъ, вѣчно вынужденъ ломать голову надъ этими «штабными комбинаціями».

— Ну, вы и ломайте. У васъ всегда правильно и хорошо выходитъ. Такъ и теперь. Вы обдумайте, а мы исполнимъ, — сказалъ поручикъ Добровольскій 1.

— Хорошо. Мой планъ таковъ. Въ виду невозможности оставаться здѣсь, завтра же утромъ, мы должны двинуться вверхъ по Птичи, пробраться въ лѣса Воробьевы подъ Игуменъ и только тамъ развернуть свою дѣятельность. Въ той мѣстности обширные лѣса и это будетъ способствовать успѣху нашей работы. Вотъ мой планъ.

— Ну, и отлично. Пробраться, такъ пробраться. Въ чемъ же дѣло? — воскликнулъ Чадай.

— А въ томъ, друзья мои, — вмѣшался капитанъ Корчъ, — что это выходитъ больше 300 верстъ.

— Безъ малаго столько же, мы уже прошли отъ границы... И прошли довольно благополучно. Вѣрю, что Богъ и дальше поможетъ. Такъ, какъ же, господа? Согласны вы съ моимъ планомъ?

— Безусловно, — хоромъ отвѣтили всѣ.

— Итакъ, рѣшено. Завтра съ зорькой въ походъ. Порядокъ слѣдующій. Короткевичъ и поручикъ Бако останутся на мѣстѣ и выступятъ черезъ полчаса вслѣдъ за нами. Поручикъ Чадай, Берюковичъ и Добровольскій пойдутъ правой стороной. Отряды Николаева, Сокола, Краснопольскаго, Змирюка и Кургана, двинутся лѣвой. Лѣвую сторону пути я спеціально прикрываю потому, что она открыта для непріятеля, тогда, какъ справа, рѣка Птичь является самымъ лучшимъ прикрытіемъ. Капитанъ Назанскій съ отрядомъ направится впередъ, какъ развѣдка. При мнѣ останется поручикъ Ярощукъ съ его отрядомъ, плюсъ штабъ. Отряды должны находиться не больше, какъ въ полутораверстной дистанціи другъ отъ друга, зорко слѣдя за возможными дѣйствіями большевиковъ. Вотъ и все. Теперь, господа, идите и оповѣстите части. Прикажите осмотрѣть вооруженіе и завтра съ Богомъ въ походъ.

Когда всѣ вышли, я повернулся къ Корчу, который задумчиво сидѣлъ на моей постели.

— О чемъ задумался, Коликъ?

— О твоемъ безумствѣ, — односложно отвѣтилъ тотъ.

— О моемъ безумствѣ? Не стоитъ, милый. Развѣ не все на свѣтѣ теперь есть, въ сущности, безумство. Только его называютъ жизнью. Потому и не стоитъ разбираться въ оттѣнкахъ. Значитъ, передай Атаману Дергачу, какъ мы рѣшили.

— Правду сказать, и онъ такой же безумецъ. Ты и онъ — два сапога пара. Ты думаешь, онъ усидитъ? Никогда. Вотъ увидишь, самъ пріѣдетъ помогать тебѣ.

— Я въ этомъ тоже не сомнѣваюсь. Вотъ потому то мы всѣ его и любимъ,что онъ не охотникъ сидѣть по бабьи, сложа руки. Теперь, вотъ что. Ты сегодня у насъ переночуешь?

— Ни въ коемъ случаѣ, — сказалъ Корчъ. — Я сейчасъ же двинусь обратно.

— Твое дѣло. Только для вѣрности, я тебѣ дамъ людей.

— До деревни, пожалуй. А тамъ меня ждутъ. Ну, дай Боже тебѣ всякаго благополучія. Я спѣшу, а то скоро будетъ свѣтать.

— Съ Богомъ. Авось судьба приведетъ еще свидѣться.

Черезъ нѣсколько минутъ капитанъ Корчъ съ 20 партизанами скрылся въ ночномъ сумракѣ. **Атаманъ Кречетъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) См. «Возрожденіе» номера 797 и 798.